

"Поздним вечером"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Юрий Бондарев

ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Тонко дребезжат стекла. Сквозь шум бурана слышно, как на дворе глухо хлопает калитка. Коля, весь напрягаясь, останавливает взгляд на окне, потом негромко говорит:

— Показалось... Я думал, мама, а это ветер. Ты, Миша, слышал, как загремело?

— Непогода какая... — Миша, поплюнув палец, не сразу перелистывает страницу, с сосредоточенным видом наклоняется над книгой и прерывисто вздыхает: — Прямо не дожدهшься.

Колина мать работает врачом в степном районе, недалеко от города Актюбинска; каждое утро за ней приезжают сани из больницы, и дед Степан увозит ее до восьми часов вечера. Сейчас уже десять, но ее все нет. А буран хлещет в стели, гремит по крыше, дико взвизгивает в трубе, дергает дверь в сенях, будто кто-то в злобе ударяет, наваливается плечом, срывает ее и не может сорвать с петель. На улице все гудит, и порой кажется, что комната несется по воздуху, в вихрях снега, оторванная от всего мира.

Мальчики сидят на диване и то и дело поглядывают на стенные часы. Миша хмурится и, стараясь не сопеть, уже второй раз осторожно листает книгу про зверей Африки. Он давно торопится домой, так как отпросился к Коле «только на минуту», но ему и боязно, и неудобно уходить, хотя живет он рядом — через несколько домов.

А часы на стене неустанно и сонно тикают. Изредка в них что-то обрывается. Тогда гиря дергается, и мальчики вздрагивают. В комнате полутемно. Возле дивана на столе горит большая керосиновая лампа: два дня нет электричества — буран порвал провода. Радио тоже молчит. Два дня в степи, не утихая, ревет непогода. Она царапает стены, стучит в стекла и кидает в них непроглядным снегом, все наваливая и наваливая под окнами сугробы.

— Буран! — говорит Миша, поднимая голову от книги. — Ишь как воет... Страшно сейчас в степи.

Коля внимательно смотрит на Мишу, с минуту слушает, как воет буран, и вдруг начинает беспокоиться:

— Как бы мамка не заблудилась...

— А ты знаешь, в позапрошлую зиму тракторист окоченел до смерти, заблудился... а в прошлую отец чуть совсем не замерз, — почему-то шепотом говорит Миша и делает такое лицо, точно сообщает по секрету о необыкновенной тайне.

Коля уже слышал эту историю несколько раз, но ему хочется заново послушать.

— Как же это? — удивленно спрашивает он и подвигается ближе к Мише. — Сказки бабушкины.

Но глаза у Миши очень серьезные.

— Не сказки, а очень просто. Поехал отец в бригаду: что-то с тракторами случилось. Темница — жуть! Хуже, чем сейчас. Буран так и метет, так и метет... Знаешь, как в степи? Я ездил раз в МТС, так знаю... А отец ехал, ехал — и вдруг дороги нет, заблудился. Мы его ждали, ждали

целую ночь. Мать говорит: «Ну, пропал отец!» И вдруг слышим — лошадь пришла. Выбежали мы, а отец весь в снегу, прямо и лица не видно! Мамка чуть не плачет, а он говорит: «На войне не погиб, а здесь чуть...» Ноги, руки снегом оттирал — белые все были...

Опять хлопает калитка, гремит в трубе, в сенях, позванивают стекла, и мальчикам кажется, что кто-то огромный колотит озлобленно по стенам, топчется в тяжелых валенках под окном, и давит на стекла, и стонет от нетерпения.

И от этого хаоса звуков уши наполняются протяжным, тонким звоном.

— Ветер, — выдыхает Коля. — Это ветер...

Миша тихонько смеется:

— Конечно, ветер! Давай книжку смотреть! Ты садись рядом, а?..

Подумав, Коля садится вплотную к Мише, а тот сопит, с какой-то опаской перелистывает страницы и украдкой из-за плеча оглядывается на черные окна. Коля, тоже озираясь на темные углы, поеживаясь, спрашивает негромко:

— Ты почему так смотришь? Мерещится тебе?

— Не-ет, что ты! Вот выдумал, — шепчет Миша, нагнув голову.

В тишине листы книги, толстые, гладкие, гремят, как полотно на ветру. Минуту оба молчат. Потом Миша напряженно морщит лоб и, глотая слюну, говорит:

— Как я домой теперь пойду? Мать, наверное, ищет...

— Знаешь, давай чай пить, — предлагает Коля с надеждой. — Чайник поставлю, у нас конфеты шоколадные есть. «Белка» называются». Хочешь, Миша?

— Да мне идти нужно. Я уроки еще не делал. А то завтра по арифметике Марья Сергеевна как вызовет да ка-ак двойку поставит!..

— Ну и иди. — Коля презрительно усмехается. — Боишься, достанется дома? А в школе хвастался, что тебя никогда не ругают! Врешь все!

Миша сдвигает рыжеватые брови. Он колеблется.

— Давай... подождем еще, — нерешительно соглашается он и снова украдкой косится на окна.

Коле сразу становится веселее. Ему хочется рассказать сейчас то, о чем он давно думал, и он заговорщицки говорит:

— Ты знаешь... Вот если бы война... ты как, пошел бы в разведчики?

— Не возьмут, — вяло отвечает Миша. — Не доросли, скажут. — Он откладывает книгу и, некоторое время соображая, деловито насупливается. — Может, взяли бы, только мать вот...

— Ерунда какая! — возражает Коля. — А если бы наша страна воевала с фашистами? Нет, меня бы мать отпустила. Как отца. — Коля пристально смотрит на стену, где в черной рамке висит портрет. — У меня отец был артиллерист. Он дрался с «тиграми», танки были такие у немцев. Отца ранило, а он все стрелял... Пять танков подбил...

— У меня отец тоже, — кивает Миша, ссутуливаясь. — Ничего не боится.

— А ты боишься? — подозрительно спрашивает Коля.

— Нет... Что ты! А вот только отец мой ничего не боится, твоя мать тоже. Видишь, какой буран, света не видать, а она поехала.

— Она вся в отца, — серьезно заявляет Коля. — Отец сам говорил...

— Коль, а Коль, — немного подумав, очень тихо спрашивает Миша, — а ты в отца?

Коля переводит взгляд на окно, за которым с воем мелькают мутные тени, и опускает глаза.

— Я не знаю, — отвечает он, видимо опечаленный. — Отец ничего обо мне не говорил.

— А автоматы дали бы? — неожиданно спрашивает Миша. — Автоматы нужны, а то убьют!

Коля задумывается, затем машет рукой.

— А как же! Я знаешь о чем — Ведь я, наверно, не испугался бы. Пошли бы вместе с тобой. И выручали бы друг друга в бою.

— Да, — соглашается Миша, — одному плохо. Двоим лучше. Помочь можно друг другу.

Минуты три оба молчат. Коля берет со стола и долго рассматривает перочинный ножик с перламутровой ручкой, говорит грустно:

— Отец подарил. Это его ножик, до фронта. На память. Хороший?

— Ага. Только не острый, — хозяйственно замечает Миша, попробовав лезвие пальцем. — И легкий. Пушинка.

— Я его берегу.

— Стой, ходит кто-то. По чердаку ходит, слышь?.. Шаги, — шепчет Миша, вслушиваясь. — Вроде разговаривают там, слышь? Нет?..

Он с побледневшим лицом озирается на Колю, изо всех сил удерживая дыхание, широкие ноздри его раздуваются.

— Никого там... буран это, — отвечает Коля с трудом равнодушно. — Мерещится тебе...

Миша мигает ресницами и слабо шевелит дрожащими губами:

— Мне мамку жалко. Она, должно, по поселку бегает, меня ищет. Ведь я из школы домой забежал — и прямо к тебе. А я ничего не боюсь. Мне домой надо... — И Миша виновато ерзает, избегая встретиться с Колей взглядом.

— Знаешь, — говорит Коля и даже встает с дивана. — Ты иди домой. Иди, Мишка, чего уж... Я останусь.

Миша, округливая рыжие брови, испуганно смотрит на Колю, но тот быстро отворачивается, повторяет с насмешкой:

— Иди, иди, я обижаться не стану, а то еще дома достанется, отколотят еще.

— Да надо ведь мне...

Однако Миша не сразу решается уходить. Ему неудобно и неловко: как же оставить товарища одного? Наконец он уходит, надев пальто, для смелости нахлобучив на глаза шапку, убегает в темь и буран. Коля закрывает за ним дверь и, вернувшись в комнату, некоторое время чувствует странное возбуждение.

«Пусть, пусть! — мстительно думает Коля. — Я и один ждать буду...»

Но в комнате после ухода Миши становится очень пусто и тихо. И возбуждение быстро проходит. Коля садится к столу в одиночестве и, чтобы отогнать от себя грустные мысли, старается представить себе, как будет, когда приедет мать... Она, скинув завьюженный тулуп, улыбнется ему, поцелует его холодными губами и, конечно, скажет: «Заждался? Ну, Колька, сейчас будем чаевничать!» Щуря близорукие глаза, она подолгу моет руки и тщательно вытирает их полотенцем; от нее приятно пахнет морозом и каким-то лекарством. Она будет ходить по комнате, звенеть посудой, спрашивать о школе и наконец сядет с ним за стол. Весело на плите зафыркает чайник, и тотчас в комнате станет тепло и уютно.

«Мама, я тебя все ждал, — скажет он, — два раза чайник подогревал, а ты так долго...»

Коля вздрагивает: ему кажется, что он уснул и во сне сидит на краешке стула; а веки у него тяжелые-тяжелые и необоримо смыкаются сами. На столе сонным круглым бликом светится бок большого металлического чайника. Посреди скатерти, придавленный чашкой, белеет листок бумаги: «Ужинай, ложись спать. Не жди меня. Мама». И от этих слов, написанных, как всегда, рукой матери, горько и тоскливо сосет под ложечкой, словно кто-то беспощадно хочет обмануть его.

Потом он представляет, как мать едет в санях. Лошадь едва плетется вся в снегу, и морда ее, заиндевевшая и белая, окутываясь паром, кланяется сугробам. Мать не видно в санях: она укрылась шубой и спит. Потом она просыпается, выглядывает из-под шубы и говорит лошади: «Смотри, какой буран! Ты не спи! Не занесло бы нас! Ведь Колька один дома!» Возница дед Степан погоняет усталую лошадь. Но она уже не хочет идти дальше. И снег постепенно заносит сани, лошадь, наметая огромный сугроб...

Что-то страшно гремит и рассыпается стеклянным звоном. Коля вскакивает, широко раскрыв глаза.

— Что это? Мама!..

На полу разбитая чашка. Осколки рассыпались возле ножки стола и странно-спокойно поблескивают на свету. Рядом лежит записка матери. За окном безмолвно — вероятно, буран стих. И четко и громко отстукивают, скрипят ходики на стене. Ему сейчас не жалко чашку. Он лишь жалеет об одном: зачем отпустил Мишку, вдвоем веселее. И Коле сейчас так невыносимо одиноко, беспокойно, что хочется плакать.

Он идет к дивану. Тихо скрипят под ногами половицы, и подрагивает стол, как живой. Лампа мерцает и вспыхивает: нет керосина. По потолку, по стенам от этого мерцающего света, округляя углы, бродят тени. Коля наклоняется к лампе, глазам становится горячо, лбу жарко. Он выворачивает побольше фитиль и вдруг вытягивает шею и, не отрывая глаз, смотрит на окно. В безмолвии размеренно скрипит снег: скрип-скрип. Кто-то ходит под окнами, но никто не стучит в стекла, и Коля чувствует ознобные мурашки на спине. «Скрип-скрип, —

выговаривает под окном снег, — скрип-скрип».

«Кто это?» — думает Коля, цепенея от страха.

Ему хочется с закрытыми глазами броситься на диван, потушить лампу, залезть с головой под одеяло, чтобы ничего не слышать и ничего не видеть. Проходит несколько минут. Он слышит, как молотком колотится сердце, отдаваясь в голове.

— Никого там нет... — шепчет, убеждая самого себя Коля. — Чудится мне...

Он осторожно оглядывает комнату и замечает на столе перочинный ножик с перламутровой ручкой. Затаив дыхание, Коля берет ножик; успокоительно-аккуратный, гладкий, он умещается в кулаке. Пальцы все крепче сжимают его, подарок отца, эту единственную защиту и помощь.

А огонь в лампе дергается, сникает и, чадя, гаснет. Комната погружается во мрак, среди которого синюющими проемами светятся от лунного света мерзлые окна. За ними — непонятная пустота ночи, где только что поскрипывал снег, необъяснимо сковывает Колю знобящим страхом. Он не может пошевелиться.

«Нет, нет, — опять убеждает он себя. — Я не испугался... Показалось мне, и все».

На ватных ногах он с усилием делает два шага к окну и, всхлипывая от ожидания чего-то страшного, трет пальцем холодное, обросшее инеем стекло. Блестят освещенные луной морозные узоры. Они кажутся необыкновенным зимним лесом. Коля ничего не может рассмотреть сквозь них. Тогда, замирая, с млеющим холодком в животе, он идет в сени и там настежь открывает двери, готовый крикнуть: «Кто?» Никого нет. Мороз и синяя ночь. На дворе лежит лунный снег. Улицы не видно: снегу намело по крыши. Стоя в дверях, Коля весь дрожит от студеного воздуха. На улице ни огонька. «Где же мамка? — думает с тревогой Коля. — Где она?»

Он закрывает дверь, входит в комнату, садится на диван, опять дремота постепенно обволакивает его. И внезапно стекло звонко дребезжит над самым ухом, но Коле кажется, что это стучат не в окно, а звенит у него в ушах.

— Коля, открой! Коля!

Радость перехватывает дыхание. Он вскакивает.

— Мамка! Приехала! Я сейчас! Я сейчас! — громко кричит он и бежит к двери и теперь лишь замечает зажатый в руке отцовский перочинный ножик.

...Когда они сидят за столом и пьют крепкий, пахучий чай, Коля необыкновенно счастлив: мать рядом с ним, она моет руки, вытирает их полотенцем, ласково щурит глаза. Лицо у нее усталое. Она спрашивает удивленно:

— Ты все ждал меня? И не спал?

— Ждал. Мишка у меня был! Мы вдвоем ждали! А я чашку разбил.

— Колька ты мой, Колька, — говорит мать и нежно шевелит, треплет его волосы. — А я с операции. Никак не могла раньше.

Коля хочет сказать матери о своем решении никогда больше не оставаться одному дома, но

видит: мать задумчиво разглядывает стол, и у нее медленно клонится голова. Она встряхивает головой и виновато улыбается.

— Ложись, мам, ложись, — чувствуя необыкновенный прилив любви к матери, говорит Коля. — Ты устала! Ты ведь устала, мама! Да?

Мать целует его и, на ходу раздеваясь, идет к постели.

— А я подъезжаю и думаю: «Спит мой Колька, наверное». А ты, оказывается, ждал! Ах ты, Колька мой! Один, все время один. — И она как-то растерянно оборачивается к нему. — Ну, ложись, сын, а то завтра рано вставать. Давай радио включим, чтобы разбудило...

Мать, по-видимому, так сильно устала, что даже забыла: буран порвал провода, и радио молчит.

Он ничего не говорит ей, соскакивает со стула и берет с тумбочки старый будильник, внутри которого старательно бьется сердце. Высунув от напряжения язык, Коля ставит стрелку на шесть часов, потом оглядывается на мать и чуть-чуть переводит стрелку — на десять минут седьмого.

— Мама, пожалуйста, ложись, — повторяет Коля и быстро начинает убирать со стола. — Я тоже сейчас лягу. И знаешь... Это ничего: будем живы, не умрем, — добавляет он так же, как говорил когда-то матери отец.

Мать сразу засыпает, и Коля слышит, как во сне она разговаривает с какой-то старшей сестрой, наверно, тяжелая была операция... Коля также ложится и, прислушиваясь к беспокойному дыханию матери, сквозь сон усмехается, вспомнив ножик с перламутровой ручкой.

— Мам, а мам, — еле шепчет он. — Ты обо мне не беспокойся... Как ты думаешь, я в отца?

В комнате темно и тихо.